

ПРОГРАММА УТИЛИЗАЦИИ

За объездной, на границе промзоны, на старой трамвайной остановке встретились двое. Спортивного вида молодой парень слегка навеселе сокращал путь до ближайшего жилого массива. Пожилой сухощавый мужчина в фуражке и френче стоял неподвижно у линии рельс, хмуро взирая в туманные сумерки осеннего вечера.

– Ёпт, дед! Ты чего здесь делаешь?! – опешил парень и следом хохотнул. – Только не говори, что трамвай ждёшь. Его уже лет десять как отменили... Ого! А что за форма у тебя?

Мужчина какое-то время молчал, затем горько вздохнул и негромко ответил:

– Форма Железнодорожного Корпуса. Отделение монорельсовой дороги.

– Что за монорельсовая дорога? Где?

– Там, – невнятно огрызнулся пожилой. – А могла быть у вас.

– А, я что-то слышал о проекте, – совсем не обиделся молодой. – От центра, вдоль реки...

– Не только. Маршрутов планировалось много. Но ничего не будет.

– Почему?

– У ваших властей не получается отмыть денег на этом деле.

– Ха! А в чём прикол?

– Ну... Скажем так, инвесторы не отсюда.

– А откуда? Япония? Швейцария? Может, Эмираты?

– Вообще не из этого мира.

– Прикалываешься, дед? Впрочем, травы, я фантастику люблю.

– Можешь не верить. Только всё равно вы свой шанс упустили. И мы тоже.

– А вы почему?

– На монорельсе был уговор отставников вроде меня пристроить. Теперь нам светит социальный интернат.

– Дед, да ты ж не сильно старый, как я посмотрю...

– У меня шунта нет.

– Чего?

– Нейрошунт. К технике напрямую подключаться. Без этого нынче на работу не устроиться. Все пожилые теперь, кто без шунта, – шлак для общества.

– Ох и загнул ты, дед. Не настолько я пьяный, чтоб в такое поверить.

– Я вообще не должен был тебе это рассказывать. Я подписку давал. Но мне теперь плевать. Я ж сам в переговорах участвовал. И провалил дело.

– М-м... Дед, постой. Допустим, я тебе поверил... Ну, типа по приколу. И тогда вопрос: что, на нашем «Мухосранске» свет клином сошёлся? Постройте этот монорельс в другом городе, а лучше в другой стране.

– Монорельс не планировали строить. Его планировали переместить.

– То есть?

– Наши миры параллельны – обрати внимание, на одном языке говорим. Только мы в развитии чуть дальше ушли. У нас монорельс стал не нужен, вот его и захотели для пользы дела к вам сюда спихнуть. И нас, стариков, заодно.

– Хренасе! А почему монорельс стал не нужен?

– Нейрошунты позволили создать индивидуальную транспортную сеть.

Парень шумно выдохнул и потрясённо покачал головой.

– Ой, дед, слушай, ты мой вечер сделал. Складно так излагаешь... Давай я за поллитрой сбегаю и мы с тобой посидим, поболтаем. Как тебе идея?

Мужчина пожал плечами, и парень истолковал его жест как согласие. Со словами «Никуда не уходи» он рванул к ближайшим огням, где имелся круглосуточный магазин. Взял что нужно, метнулся назад, но опоздал. Яйцеобразная белая капсула в ореоле света бесшумно поднималась над пустой остановкой. Звякнув стеклом в пакете, парень побежал, но успел лишь увидеть, как бесследно растворяются в тёмной выси эмблема и надпись, нанесённые на фюзеляже. Отборный, сочный мат огласил окрестности, затем поток проклятий иссяк. Парень устало опустился на землю, открыл бутылку и, отсалютовав небу, отхлебнул прямо с горла.

– Удачи тебе, дед!

Перед его глазами ещё стояли эмблема и надпись, увиденные на белом «яйце». Эмблема изображала в перечёркнутом красном круге силуэт старика в фуражке на фоне стоек монорельса. Надпись гласила: «Программа утилизации».